

«БОЛЬШИЕ НАРРАТИВЫ» КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОРМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кирчанов М.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия, maksymkirchanoff@gmail.com

Автор анализирует особенности историографической ситуации в современной Латвии. Выявлены основные особенности развития исторических исследований транзитных обществах в контексте «больших нарративов». «Большие нарративы» в современной латышской историографии анализируются как основная форма развития исторического знания. Показана взаимосвязь развития политического национализма и исторической науки. Историография «больших нарративов» в современной Латвии является официальной. «Большие нарративы» содействуют формированию политической и гражданской идентичности. «Большие нарративы» также используются для мифологизации прошлого и идеализации отдельных периодов в истории Латвии.

Ключевые слова: Латвия, историография, «большие нарративы», историческая память, национализм, историческое воображение, мифологизация истории

THE "GRAND NARRATIVES" AS UNIVERSAL FORM OF HISTORICAL MYTHS FUNCTIONING IN CONTEMPORARY LATVIAN HISTORIOGRAPHY

Kirchanov M.V.

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkirchanoff@gmail.com

The author analyzes the features of the historiographical situation in contemporary Latvia. The basic features of the development of historical studies in transit societies are studied in the context of "grand narratives". The "grand narratives" in contemporary Latvian historiography are analyzed as the main form of historical knowledge. The relationships of political nationalism and historical science are touched upon in the article. Historiography of the "grand narratives" in modern Latvia is official. The "grand narratives" also assist to the formation of political and civic identity. The "grand narratives" are also used for mythologization of the past and idealization the different periods in the history of Latvia.

Keywords: Latvia, historiography, "grand narratives", historical memory, nationalism, historical imagination, mythologization of history

Историография, историческое знание, политика, политические идеологии и национализм в современном мире принадлежат к числу тесно связанных между собой явлений. Исторические исследования утратили чисто академическую составляющую. На современном этапе практически во всех странах, которые претендуют на статус национального государства, история глубоко интегрирована в политические механизмы, призванные формировать, воспроизводить и поддерживать те или иные версии и формы политической и этнической идентичности. Не является исключением из этой универсальной логики развития отношений между историческим знанием и национализмом и современная Латвийская Республика. В Латвии, как и в большинстве других национальных государств, в сферу обслуживания и легитимации официальной политической доктрины втянута историография, представленная «большими нарративами» – активно воспроизводимыми и тиражируемыми официальной историографией коллективными представлениями относительно тех или иных периодов в

национальной истории. Именно традиционная историография «больших нарративов» будет в центре авторского внимания в настоящей статье.

Традиционная нормативная историография, которая доминирует в научном историческом пространстве Латвии, развивается относительно динамично. Относительно определения самого понятия «нормативная историография» среди исследователей нет единого мнения. В частности, предполагается, что в постсоветских странах это «синтез этнопопулистского исторического канона, советского наследия и постсоветских научных дискурсов» [2, с. 385]. В генетическом плане нормативная историография может восприниматься в качестве наследницы советской латвийской историографии в силу того фактора, что большинство ее представителей начинали свою карьеру в Латвийской ССР. Кроме этого, в рамках нормативной историографии тем не менее создано немало оригинальных исследований [5 – 6], оригинальность и новаторский характер которых, однако, теряются на фоне их принадлежности большому нормативному канону, основанному на воспроизводстве и повторении исторических нарративов, встроенных в событийную матрицу и в контексте многочисленных, фактически «дежурных», исследований, призванных содействовать продвижению латышской точки зрения на те или иные события в новейшей истории (например, Вторую мировую войну [8]) – особенно в тех случаях, если они отличаются от интерпретаций, доминирующих в других национальных историографиях. При этом нормативная историография в Латвии развивается все-таки инерционно, продолжая условную инерцию, унаследованную от оппозиционных и протестных отношений, которые возникали в советской латышской исторической науке начиная с середины 1980-х гг.

Тематически нормативная историография в современной Латвии только формально отличается от советской историографии, а большинство отличий проявляется в выборе тематики и направленности исследований, хотя подобный выбор в значительной степени определен общими тенденциями в развитии идейно-политической атмосферы в Латвии. Кроме этого, нормативная историография в Латвии (впрочем, как и в других постсоветских странах) отличается некоторыми присущими ей характеристиками и особенностями. В подобной ситуации нормативная историография в современной Латвии развивается инерционно и в силу того, что продолжает уделять особое внимание тем темам и проблемам, которые было невозможно анализировать в советский период. В подобной ситуации, словно по инерции, современные латышские историки-нормативисты, ликвидируя условно последние «белые пятна», в национальной истории фактически сами ограничили себя узким набором тем, которые на протяжении 1990–2010-х гг. доминировали и продолжают играть ведущую роль в тех исследованиях, которые можно отнести к нормативному историографическому канону.

На современном этапе этих тем не так много, а их набор практически не изменялся на протяжении всего периода существования Второй Республики в Латвии. Подобная ситуация является родовой травмой современной латышской историографии и следствием ее советского прошлого, так как в союзных республиках истории были преимущественно историями именно этих республик, а историография была «очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях» [1, с. 427]. Эти темы, вероятно, могут быть сформулированы следующим образом: история борьбы Латвии за независимость в 1917–1920-х гг., история Вооруженных сил в период существования Первой Республики, фигура Карлиса Улманиса в контексте истории межвоенной Латвии. В этом кратком перечислении направлений исторических исследований очевидно преобладают темы и проблемы, которые в советский период были подвергнуты значительной идеологизации. Если советская латышская историография развивалась и существовала в идеолого-центричной системе координат, то современная нормативная историография не является исключением. На смену коммунистической идеологии пришли различные версии и модусы латышского национализма, который может варьироваться от гражданского до этнического.

Постсоветские общества на протяжении 1990–2010-х гг. захлестнула волна национализации самосознания различных социальных групп. Не стала исключением из этой универсальной логики развития национализма и Латвийская Республика, общественный спрос в которой породил особый вид условно исторических текстов, формально претендующих на осмысление мира и роли нации в истории с философских и мировоззренческих позиций. В этом отношении тексты Илгварса Бруновскиса [9] или Айварса Слущиса [21] (не по содержанию, а по методу конструирования послания читателю как потребителю) мало чем отличаются от идеологических писаний партийных идеологов советского периода в структуре текста как послания, адресованного и предназначенного для потенциальных потребителей, готовых воспринимать те или иные политически и идеологически выверенные идеи. Подобные тексты в значительной степени основаны на схематизации истории и мира, низведении исторического процесса до национальной борьбы. Другой особенностью подобной условно историографической продукции следует признать и их весьма своеобразный ролевой характер: латышам нередко отводится роль жертвы, а нелатышским группам могут приписываться статусы универсальных и неизбежных Других.

Подобные тексты, которые претендуют на некое философское и методологическое осмысление истории, мало чем отличаются от теоретических изысканий советской латышской историографии в том контексте, что и первые, и вторые являются преимущественно искусственными, конъюнктурными, официальными, призванными обслуживать государственно-принятый идеологический дискурс, в рамках которого история Латвии является преиму-

щественно историей Латвии, точнее – историей латышей, что вполне естественно, так как «при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм» [3, с. 337]. В транзитных государствах и национализирующихся обществах «содержание работ по истории субординировано по отношению к конкретным механизмам контроля государства и / или доминирующих элит и является частью процесса формирования нации и лояльных граждан» [23, р. 1].

Аналогичные настроения характерны и для других направлений в латышской историографии, в особенности – для исторической публицистики, предназначенной для более широкой аудитории. Если в период существования ЛССР латышские историки были вынуждены публиковать дежурные тексты о революционном движении, то в 1990–2010-е гг. подобная ниша оказалась заполнена текстами иного содержания (например, о латышских националистах [20], коллаборационистах [18], которые в некоторых изданиях соседствуют с поэтическими опусами о латышских legionерах [17], подобно тому как условно революционные тексты советских историков сосуществовали с поэзией в стиле социалистического реализма о красных латышских стрелках и революционерах), но методологически близкими к советским ритуальным историографическим упражнениям.

Националистический дискурс в актуальной латышской историографии имеет разные проявления, варьируя от публикаций научных статей о сопротивлении и подпольном движении [15] до размышлений на тему соотношения национализма и свободы [16], до издания специализированных собраний цитат как исторических деятелей [22], так и современных латышских политиков [25]. Комментируя такую родовую характеристику постсоветских историографий, украинский историк Ярослав Грыцак подчеркивает, что «преобладание национальной парадигмы в трудах историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [1. с. 444] в более ранней историографической традиции. К подобным публикациям оказались в тематическом плане близки и некоторые тексты, которые формируют источниковый корпус по проблемам новейшей истории, что, например, относится к переизданию сочинений идеологов латышского национализма, например Густавса Целминьша [10]; текстов, созданных в эмиграции [26] и актуализирующих европейскую перспективу в латышском историческом и культурном процессах; или текстов более частного плана [7], которые отражают различные формы и уровни восприятия латышской истории XX в. от Первой республики до советизации. Подобные публикации представляются чрезвычайно интересными в контексте их нетрадиционного и нетривиального анализа не в рамках нормативной историографии, но с опорой на междисциплинарные практики и подходы. Такие попытки в современной латышской историографии предпринимаются

редко, речь о них пойдет ниже, а на современном этапе расширение источникового корпуса, к сожалению, содействует укреплению традиционной нормативной историографии.

Отрицание и неприятие коммунизма в современной нормативной историографии Латвии проявляются столь же ярко и отчетливо, как и готовность в советский период официальных историков, которые обслуживали идеологический дискурс, бороться и полемизировать с буржуазной историографией. Поэтому, если советские историки писали о строительстве социализма и побеждающей силе коммунистической революции, то их современные латышские наследники радикально изменили свое восприятие коммунизма, воспринимая его как тоталитарную идеологию, хотя основания идеологически выверенного дискурса в современной латышской историографии практически не отличаются от принципов и методов конструирования подобных текстов в советский период. При этом подобные тексты следует, вероятно, воспринимать как «необходимое зло» транзитной историографии, которые неизбежно возникают в большинстве переходных обществ. К подобному историографическому продукту в значительной степени в современной Латвии оказались близки тексты, которые в различных формах актуализируют уникальность латышской национальной идентичности и латышского исторического опыта.

Поэтому актуальная латышская историография характеризуется значительной степенью политизации, хотя «противоречия между академическими и политическими мотивациями в изучении прошлого» [11, р. 533] практически не интересуют сторонников «большого нарратива» и формируемой им нормативной историографии в современной Латвии, основанной на воспроизводстве националистического дискурса, который почти безраздельно доминирует в текстах, посвященных истории латышской эмиграции [12]. При этом подобные публикации отличаются большим разнообразием, тематической направленностью, теоретическими и методологическими основаниями их авторов, но тем не менее их, вероятно, следует относить к нормативной историографии в силу того, что они основаны на воспроизводстве именно национального дискурса, хотя их информативный и источниковый потенциал представляется несравнимо большим, чем у текстов, которые могут быть локализованы в границах нормативной историографии. В целом на протяжении 1990–2010-х гг. националистический дискурс в латышской историографии и гуманитарной традиции оказался среди наиболее влиятельных, хотя его потенциал и влияние в Латвии практически несоизмеримы с аналогичными процессами и явлениями в других постсоветских историографиях, в которых «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [4, с. 18].

Нормативная историография и «большие нарративы» доминируют в так называемых парадных изданиях, посвященных разного рода юбилеям, приуроченных к годовщинам тех или иных значимых для Латвии событий. Подобные издания, которые не представляется возможным исключительно и только локализовать в пространстве нормативной историографии «больших нарративов» в силу их промежуточного положения между рекламным проспектом, туристической книгой и модным глянцем, содействуют не только идеологизации, но и мифологизации истории. На протяжении 2000–2010-х гг. в Латвии был реализован целый ряд подобных издательских проектов, призванных сформировать единое восприятие тех или иных событий. Это, например, относится к парадным изданиям, посвященным 135-летию со дня рождения Карлиса Улманиса (в которых его деятельность представлена в традиционной событийно-хронологической последовательности, хотя и в сопровождении значительного визуального измерения) [13], которые стали еще одним шагом к политической канонизации президента. Аналогичными по содержанию и направленности следует признать и другие публикации, посвященные истории латышской армии между двумя мировыми войнами [24], Рижского латышского общества [14], истории лата – латышской национальной валюты [19].

Отличительной особенностью подобных изданий следует признать и то, что они ориентированы не только на внутреннего латышского потребителя, но и на внешнего читателя. Поэтому ряд таких изданий был представлен не только на латышском, но и на английском и русском языках, что в определенной степени было подчинено цели формирования положительного и привлекательного образа Латвии. Большинство этих изданий отличается высоким качеством печати, обилием иллюстраций, но одновременно и в значительной степени — упрощенным изложением событий, что, вероятно, свидетельствует о том, что они предназначены для массового читателя. Кроме этого, подобные публикации призваны активизировать национальные чувства, связанные с теми или иными проявлениями и уровнями латышской национальной идентичности (например, с национальной валютой, от которой Латвийская Республика отказалась в 2014 г. в пользу евро).

Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов. В современной Латвийской Республике издатели исторической литературы (как академической, так и популярной) не только играют на национальных чувствах читателя, но и активно культивируют миф о «старой доброй Латвии», когда республика обладала целым рядом добродетелей (активно строила собственную государственность, переживала «золотой век», использовала собственную национальную валюту), тем самым содействуя интеграции исторической памяти в контексте сближения коллективных представлений о Первой и Второй Республике. Нельзя исключать и возможной позитивной роли подобной формально исторической или

условно исторической книжной продукции в контексте развития интереса к истории и прошлому Латвии у представителей молодого поколения, которое под влиянием культуры потребления склонно пребывать в системе координат, которая не выходит за пределы клипового мышления. Такие публикации, вероятно, были призваны содействовать визуализации официального историографического дискурса, его маркетизации, активизации конкурентных преимуществ на книжном рынке, хотя их периодическое появление не усиливает адаптивные способности нормативной историографии в противостоянии упрощенной массовой истории для серийного потребителя, который более охотно склоняется к гламуру и прочим атрибутам современной культуры потребления, почти утратив интерес к проблемам национальной истории, представленной в обновленной версии.

Однако историография «больших нарративов» консервативна, воспроизводит и тиражирует линейные, преимущественно событийные версии истории Латвии. Подобные особенности содействуют ее постепенной консервации. В методологическом плане нормативная историография характеризуется узкой теоретической базой, связанной с идеологизацией и мифологизацией прошлого. Тем не менее именно подобные течения в историографии продолжают доминировать в современной латышской исторической науке, что придает немалую актуальность их дальнейшему научному изучению.

Список литературы

1. Gritsak Ia. Ukrainaskaia istoriografii. 1919 – 2001. Desiatiletie peremen / Ia. Gritsak // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 427.
2. Semenov A. Dilemmy napisaniia istorii imperii i natsii / A. Semenov // Ab Imperio. – 2003. – № 2.
3. Usmanova D. Sozdavaia natsional'nuiu istoriiu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rybezhe vekov / D. Usmanova // Ab Imperio. – 2003. – No 3.
4. Shnirel'man V.A. Voiny pamiati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e / V.A. Shnirel'man. – Moskva, 2003.
5. 20. gadsimta Latvijas vesture / atb. red. V. Berzins. – Riga, 2000. – 1. sej. Latvija no gadsimta sakuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900. – 1918.
6. 20. gadsimta Latvijas vesture / atb. red. V. Berzins. – Riga, 2003. – 2. sej. Neatkarīga valsts. 1918. – 1940.
7. Avots A. Brīve – nebrīve. – Riga, 2011.

8. Bleiere D., Bultlis I., Feldmanis I. Stranga A., Zunda A. Latvija Otraja pasaules kara (1939. – 1945.). – Riga, 2008.
9. Brunovskis I. Varmacibas ena. – Riga, 2013.
10. Celmiņš G. Eiropas krustcelos. – Riga, 2014.
11. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history / J. Coakley // Nationalism and Ethnic Politics. – 2004. – Vol. 10. – No 4.
12. Jablovskā G., Lipite S. Latviešu biedrības pasaule. Uzzinu krajums. – Riga, 2008.
13. Karlīm Ulmanim 135 / sast. I. Robezniece, I. Zeibare. – Riga, 2012.
14. Krastins J., Muceniēks E. Rīgas Latviešu Biedrība. – Riga, 2002.
15. Krekijs J. Nacionalas pagrīdes izdevumi Latvija (1944. – 1950.) // Identitate: personīga, lokāla, globāla. 2. starptautiskās studentu konferences rakstu krajums Latvijas Universitātes Sociālo zinātņu fakultātē Rīgā, 2013. gada 17. – 19. aprīlis / red. E. Zacs. – Riga, 2014.
16. Lacis V. Nacionalisms un brīvība. – Riga, 2006.
17. Lakstīgala V. Latviešu legionāriem // Daugavas Vanagu Menesraksts. – 2012. – No 1. – 9. – 10. lpp.
18. Lidacis A. 16. marts – Latviešu Legionāra diena // Daugavas Vanagu Menesraksts. – 2012. – No 1. – 10. – 11. lpp.
19. Nauda ar Latvijas dveseli. Lats / Ineta Lipsa, Vija Vavere un citi. – Riga, 2013.
20. Puisāns T. Pulkvedis Kalpaks un mūsu nacionalisms. Vīna nares dienas vēstures perspektīva // Daugavas Vanagu Menesraksts. – 2012. – No 1. – 6. – 8. lpp.
21. Slucis A. Sargat Latviju. – Riga, 2013.
22. Speka vardi Latvijai / sast. Janis Udrišs. – Riga, 2008.
23. The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition / eds. H. Schissler, Y. N. Soysal. – Berghahn Books, 2005.
24. Vigups J., Pranks R., Figols V. Latvijas armijas krusu nozīmes 1918. – 1940. – Riga, 2011.
25. Vīke-Freiberga V. Savai tautai. Citāti no runām un rakstiem. 1971. – 2007. – Riga, 2008.
26. Vitols H. Janis Kuga. Eiropas kultūras apcere. – Riga, 2002.

Рецензенты:

Крети́нин С.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории Средних веков и зарубежных славянских народов Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж;

Мирошников А.В., д.и.н., проф., заведующий Кафедрой истории нового и новейшего времени Исторического факультета ВГУ, г. Воронеж.